

Сергей Филиппов (Серж Фил)

Спасибо, жизнь,
что скукой ты
бедна!

Души рифмованные
всплески

Сергей Филиппов (Серж Фил)

**Спасибо, жизнь, что
скукой ты бедна! Души
рифмованные всплески**

«Издательские решения»

Филиппов (Серж Фил) С.

Спасибо, жизнь, что скукой ты бедна! Души рифмованные
всплески / С. Филиппов (Серж Фил) — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-44-852710-4

Не всегда в стиле прозаическом в полной мере можно описать все жизненные каламбуры, которые добродушно посылает судьба на наши головушки. Да и история человечества полна событий и личностей, дать оценку которым реально лишь в размере стихотворном. Ну, а все наши «мудрые» поступки, совершаемые излишне обдуманно, выглядят блёклыми и обесцвеченными, если их обрамлять обычными словами. Только стихи способны превращать и печали, и глупости в жизнерадостные и поучительные истории...

ISBN 978-5-44-852710-4

© Филиппов (Серж Фил) С.
© Издательские решения

Содержание

О князе Владимире, крестителе Руси, и некоторых его советниках	6
I	6
II	10
III	14
IV	18
О князе Александре Ярославиче и некоторых оценках современников его жизнедеятельности	22
Часть первая. Шведская интерпретация	22
Часть вторая. Немецкая интерпретация	25
Часть третья. Монгольская интерпретация	28
Часть четвёртая. Русская правда	31
Две половинки жизни Дмитрия Донского	34
1	34
2	35
3	37
4	39
5	41
Неторопливый исход еврейского народа из египетской земли	42
Часть первая	42
Часть вторая	47
Часть третья	51
Часть четвёртая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Спасибо, жизнь, что скукой ты бедна! Души рифмованные всплески

Сергей Филиппов (Серж Фил)

© Сергей Филиппов (Серж Фил), 2017

ISBN 978-5-4485-2710-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О князе Владимире, крестителе Руси, и некоторых его советниках

I

Уж сколько ночек храбрый князь
Кошмарный видит сон,
Холодным потом облиясь,
Не сдерживает стон.

Вот, будто он идёт к реке —
А солнце так палит! —
Прохлада вод невдалеке
К себе его манит,

Одежды он спешит сорвать
И в быстрый пасть поток,
И там блаженство отыскать
Хоть малость, хоть глоток!

Князь в реку прыгает, но та
Блажь телу не даёт,
А там же, где текла вода —
Огонь, как зверь, ревёт!

И едкий смрад стеной стоит,
Клубами валит дым,
Огнём охвачен, князь горит,
И слуг нет рядом с ним.

Невыносима боль, резка,
Сдержать невозможно стон,
И видит князь, как смерть близка...
И тут проснулся он!

Холодный, липкий пот течёт,
Язык шершав и сух,
А сердца бешеный намёт
Парализует слух.

Владимир

Что порожденье этих снов,
Узнать бы я хотел?
Ведь на ночь я не пил медов

И мяса всласть не ел.
Эге, постой, а, может быть,
Как раз-то в этом суть,
И нужно на ночь есть и пить,
Тогда смогу заснуть?

И, после трапезы ночной,
Владимир снова спит,
И снится сон ему чудной:
Он бабуку Ольгу зрит.

Ольга

Ну что, внучонок ВладимИр,
Всё маешься во снах?
Таким тебя иной ждёт мир,
Коль будешь жить в грехах!
В огне дымиться будет плоть,
Боль душу обовьёт,
И эту боль не побороть,
Покой, нет, не придёт!

Владимир

Так что ж, бабуля, делать мне?
Как пыток избежать?
Неужто смерть приму в огне?

Ольга

От смерти не умчать!
Но пытки огненных геенн
Ты можешь обойти,
Когда возьмёшь страстишки в плен,
Сойдёшь со зла пути!

Владимир

Согласен я на всё и вся,
Покой бы лишь обрести!
Да для души спасенья я
Не буду пить и есть!

Ольга

Тут маловато, внук, диет —
Серьёзнее вопрос,
Страстям сказать ты должен: нет!
Раскаяться до слёз!

Ведь я – как должен помнить ты —
Была душой чиста,
А могут быть душой чисты
Лишь те, кто чтит Христа!
И ты в него, внучок, поверь
И станешь светл душой!
Ну всё, прощаемся теперь,
Пора мне в мир иной.

Едва забрезжил Утра свет,
Князь на ноги встаёт,
Добрыню – дядю – на совет
Скорей к себе зовёт.

Добрыня был годами зрел,
Племяшку в жизнь повёл,
Когда тот в Новаграде сел
На княжеский престол.

Владимир

Послушай, дядя, было мне
Видение судьбы:
Мы потому живём в дерьме,
Что все греха рабы!

Добрыня

Однако! Лихо ты загнул —
Втоптал всех оптом в грязь!
А палку ты не перегнул,
Любимый светлый князь?!
Ты знаешь: я один тебе
Бросаю правду в лоб,
Без умысла, не по злобЕ,
Не опорочить чтоб.
Но, если кто грешит в Руси,
Над совестью глумясь,
Пойди, любого допроси,
Все скажут – это князь!
Припомни, как ты власть прибрал,
Норманнов склича полк,
Как брата лихо порубал —
Как плакал Ярополк!
Его невесту взял силком,
Убив её родню!
А блудодействовал потом
По десять раз на дню!

Владимир

Ну ладно, дядя, признаю:
Плохой я, что тут ныть?
Вот и хочу я жизнь свою
Отчистить и отмыть.
Вступлю в христову веру я —
Она поможет мне!
Вон, бабка Ольга, веруя,
Жила, как в сладком сне!

Добрыня

Твоя бабуля честь блюла,
Но в жизни молодой
Великой грешницей была.
Вот так, мой дорогой!

Владимир

Я, право, дядя, не пойму,
Куда ты всё же гнёшь?
Сказал ведь, веру я приму
Христову, хошь не хошь!

Добрыня

Да в чём проблемы, племяшок?
Лишь помни факт такой:
На свете этих вер – мешок,
Одна чудней другой!
И как бы тут не прогадать,
Не упустить свой прок!
Тебе я что хочу сказать:
Повремени чуток.
Мы разошлём своих послов
По центрам разных вер,
И ты потом решишь с их слов,
Чей ярок бог, чей сер!

Словам Добрыни княже рад,
Успев в уме смекнуть:
«Пока послы придут назад,
Я погрешу чуть-чуть!»

II

Проходит время. Днями князь
Во что горазд грешит,
Ночами, в тяжких снах трясясь,
Прощения просИт.

Не кажет больше бабка лик
Свой чистый и святой,
А князь как будто бы привык
Жить жизнью таковой.

И, не отправь тогда послов
В земель далёких гладь,
Быть может, князь кошмаром снов
Стал менее страдать?

Но был приказ исполнен влёт —
Ещё бы, князь так лют! —
И вот Владимиру отчёт
Посланцы отдают.

Посланник первый был в земле
Немецкой, в храмах их.

1-й посланник

– Великий князь, скажу тебе:
Красиво всё у них!
Не сквернословят, не кричат,
И в лицах злобы нет,
На лавках скромненько сидят —
Бьёт в окна солнца свет.
Их папа будет рад тебя
Принять в дом веры сей,
Он к нам взывает, нас любя,
Душой своею всей!

Добрыня князю на ушко
Чего-то пошептал,
Кивнул Владимир и легко,
С весёлостью сказал.

Владимир

Отцы и деды веру пап
Брать не велели нам.

Я в этом твёрд! Но был бы слаб,
Будь вера та от мам!

Второй посол был у болгар.

2-й посланник

– У них, мой князь, ислам,
Сказать осмелюсь, тот товар
Совсем не нужен нам!
Их храмы скудны и малы,
Унынье в них живёт,
А нудный голос их муллы
Как серп по паху жнёт!
Свинину есть нельзя, вина
Там тоже не хлебнёшь,
Плоть быть обрезана должна,
Поверь мне, хошь не хошь!

Владимир

– Ты тут наплёл, ну, прямо, страх,
Не сочиняешь хоть?!

Рука же князя лезет в пах —
На месте ли там плоть?

Владимир даже и не стал
Добрыни слушать слов,
И так всё ясно. Вот-вот в зал
Других введут послов.

Как в залу втёрся иудей,
Никто не увидал,
О вере истинной своей
Он сразу затрепал.

Мол, веры праведнее нет,
В ней блага – без конца,
Народ же их, хлебнувший бед, —
Возлюбленный Творца!

Владимир

– Так где народ еврейский ваш
Живёт, вкушая рай?

Иудей

– Покамест люд страдальный наш
Покинул отчий край.
Господь немного осерчал,
Но минет кары час —
Ковчег в родной придёт причал,
И Бог возлюбит нас!

Владимир

– Ну, вот тогда и приходи,
Вот там и поглядим,
Сейчас в нас злобы не буди,
А то, смотри, съедим!

Еврей в испуге заморгал,
Крутя шарами глаз,
Чего-то там пробормотал
И испарился враз!

Вот, наконец, вошёл посол,
Что в ЦарегрАде был,
И не спеша рассказ повёл
О том, что там открыл.

3-й посланник

– Какая роскошь! Сотни свеч
Янтарный пламень льют,
Как патриарха плАвна речь!
Как певчие поют!!
Святых икон чудесный лик
В душе рождает блажь,
Их Бог воистину велик!
Пусть, князь, он будет наш!
Ещё сказали греки мне, —
Разумный, ох, народ! —
Тот, кто грешит, сгорит в огне,
Смиранный – в рай придёт!
Коль, князь, ты примешь веру ту,
В рай с первыми войдёшь,
А если нет – соришь в аду,
Покой не обретёшь!..

Владимир с дядей тет-а-тет
Пьёт мёды и вино,
И для него вопросов нет,
Всё решено давно.

Но вот нюансик небольшой

Упрямо морщит лоб:
Князь – это смертный не простой,
Как все креститься чтоб!

И дядя, чашу осуша
До самого, до дна,
Промолвил чинно, не спеша.

Добрыня

Мыслишка есть одна.
Чтоб уваженье приобрести,
На праведность наплюй!
Все ценят силу, а не честь,
Ты веру – завоюй!
И греки, видя что ты крут,
На крайности готов,
Тебе ту веру отдадут
Без всяких лишних слов!

Владимир голову поднял,
Зря мыслей дяди ход,
И вдохновенно прошептал:
«Всё, завтра же – в поход!»

III

Давно, в далёкие года,
Забывшие, как сон,
Кроили греки города,
И был среди них Херсон.

Он жил, налогов не платя,
Успешно торговал,
Плевал на всех врагов, хотя
От них зело страдал.

Козаров, скифов, печенег
Рубил Херсона люд,
Враги костью устлали брег,
А град, как прежде, – тут!..

Вот этот славный городок
Решил Владимир взять,
Чтобы потом по праву мог
Он грекам угрожать.

Херсонцы – опытный народ,
Их просто не побить,
Крепки запоры их ворот,
Привычки вольно жить!

Была б осада в этот раз
Долга, но повезло:
Жил-был в Херсоне Анастас —
Питал он к грекам зло.

Из-за стены стрелу пустил
С записочкою он
И в ней подробно пояснил,
Как придавить Херсон:

Мол, там, за вами, на восток,
Где цепь холмов лежит,
Колодцы есть, из них поток
Воды во град бежит.

Как ловко осаждённых пыл,
Задул князь-супостат,
Он просто воду перекрыл,
И сдался вольный град.

Владимир шлёт послов царям —
Их два, а не один:
«Ну, уж теперь задам я вам,
Василий, Константин!
Столицу вашу по камням
Развею, раскачу,
И в ней правитель буду сам,
Лишь это захочу!»

Цари-брат**Я** теперь слабы —
Далёк величья час —
Эх, лет полста назад ка**Б**...
Но то – другой рассказ!

Теперь должны они обид
Густую желчь глотать,
На князя русских, что сердит,
С надеждой уповать.

А тот же, гордый сам собой,
Их требует сестру —
Мол, будет Аннушка женой
И спутницей ему!

На то Василий, Константин
Владимиру в ответ:
– Вот станешь ты христианин,
Тогда проблемы нет!

Согласен русский князь, ведь он
Всё к этому и вёл:
Не только будет окрещён,
Ещё – жену нашёл!

И вот она, хрупка, юна,
В свирепый дикий край
Брат**Я**ми сплавлена одна,
Хоть плачь да помирай!

Ведь греки знали: там живут
Не люди – дикари,
Друг друга режут и жуют
Без роздыха они!

Сидят в лесах под сенью древ,
Не моют на ночь ног,
Супруг гоняют, озверев,
Из них весь выжав сок.

А главный князь – Владимир их —
Не воду пьёт, а кровь,
Не видел в жизни прозу, стих,
Не слышал про любовь!..

И Анна, с участью смирясь,
Колена преклоня,
В молитве шепчет.

Анна

– Пусть тот князь
Не сразу съест меня!
Ведь я ещё так молода,
Не знала жизни цвет,
За что же, Боже, я тогда
Покину этот свет!?

И вот, когда она уже
Слегла в тоске своей,
Глас Божий явственно в душе
Совет свой подал ей.

Голос

– Не бойся, дочь моя, не плачь —
Благословен путь твой!
Жених теперь твой не палач,
А в будущем – святой!
Когда придешь ты в Херсон,
Его я ослеплю
(Едва тебя увидит он,
Приблизясь к кораблю).
Ему ты скажешь: крест прими
И станешь снова зряч,
Грехи с души своей сними,
В раскаяньи поплачь.
Ну, в общем, ты сама давай
Слова там подыщи,
Потвёрже будь, не унывай,
Не бойся, не пищи!

И Анна сразу ожила —
Улыбка на устах —
Ну, прямо роза расцвела
С утра в густых кустах!

Всё точно так произошло,
Как Божий глас вещал:

И ослепление прошло,
И крест святой князь взял.

Не видит Анна дикарей —
Как ласков русский люд!
Поют хвалебны песни ей,
Княгинею зовут!

IV

Жил долго славный русский люд,
Язычество хваля,
Так вот вам: веровать зовут
В небесного царя,

А всё, что было, шлите на
Висюльку между ног!
Но как же с верой в Перуна?
Как Велес? Как Сварог?

Пускай ты князь, пусть ты велик, —
С народом ласков будь,
Всё объясни, ведь наш мужик
Привык во всём зрить суть.

И, лишь её увидит он, —
Хотя б на дне ковша, —
Легко себя отдаст в полон —
Твоя его душа!

Тогда он в воду и в огонь
Шагнёт, крича: «Авось!»
Пройдёт сквозь адский смрад и вонь,
Пробьёт скалу насквозь!..

Владимир не был в мыслях скор,
Но скор он был в делах:
Велел забыть всем с этих пор
О Хорсах, Перунах,

Чтоб даже думать кто не мог
Об идолах богов,
Чтоб ни Дажбог и не Стрибог
Не прыгал с языков!

Но наш народ, когда его
Придавит силы пресс,
Вздымает дух сильней всего,
Живёт рассудка без!

И, лишь Владимир Русь прижал,
К кресту её гоня,
Свободный дух забунтовал,
Крестителя браня.

Добрыни жалко нету тут,
Он князя только мог
Смягчить, когда бывал тот крут,
Убавить гнева ток.

Но мы забыли (как же так?),
А Анна, дочь Христа?
Она в российский кавардак
Попала неспроста!

Она супругу лоб крестом
Размашисто сенит,
Его целует, а потом
Спокойно говорит.

Анна

– Мой любый, ты сильнее всех,
Кто спорить с тем бы смел?
Но вот ума ты, просто смех,
Набраться не сумел!
Чего ты давишь свой народ?
Стремишься выжать сок?
Ты посмотри: промчался год,
А есть ли в этом прок?

Владимир

– А что ж, я должен бросить всё
И, громко лебезя,
Поправ достоинство своё,
Взывать к ним: эй, друзья!
Я вас прошу, нет, я молю
Принять Христов завет,
Я всех, как братьев, вас люблю...
Какая чушь и бред!

Анна

– А что ж ты хочешь, милый мой,
Ведь заповедь гласит:
Люби чужих, как облик свой,
Не делай им обид!

Владимир

– Да я!..

Анна

– Не спорь! Мой слушай слог —
Глаголет им Господь!
Он тоже хочет, чтоб ты смог
В себе зло побороть.
Ну, хорошо, представь: мечом
Ты всех загонишь в храм,
Не объяснив им, что почём,
Обрясть что смогут там.
Пройдут года, века. Народ
Постигнет веры свет,
Но князь Владимир только вот,
Люб будет им иль нет?
Терпеньем же вооружась,
Любви излив настой,
Им будешь ты не просто князь,
Как минимум – святой!

Наш князь, молчание храня,
Главу подпёр рукой,
В ней тлеет мысль одна, дразня,
О том, что он – святой!

Увидел чётко пред собой
Он свой святейший лик:
Вот нимб золотой над головой
Бросает яркий блик!

Владимир

– Юна ты, Анна, но умом
Куда мне до тебя!
Права ты: в облике святом
Смотреться буду я!
Отныне же родную Русь
Одену в доброту —
Любовью я загнать берусь
Народ во храм к Христу!

Анна

– Ещё скажу тебе я, князь,
Пусть слуги алтаря
По всей Руси идут, крестясь,
Глас Божий всем даря.
Но ты же сам примером будь —
Грешить нельзя ни-ни! —
В святые очень долог путь,
Как годы длятся дни!

Но князь наш мыслями далёк,
Не слышит Анны слов,
Он видит множество дорог,
На них – своих послов,

Они и там, и тут спуют,
Неся добро и мир,
Ему же здравия поют:
Будь славен, ВладимИр!

Уснул князь крепко. Анна с ним
Сидит, скромна, тиха,
Ну, словно нежный херувим,
Не ведавший греха.

И Божий глас, тепло даря,
К ней снова снизошёл.

Голос

– Не унывай же, дочь моя,

Всё будет хорошо!

О князе Александре Ярославиче и некоторых оценках современников его жизнедеятельности

Часть первая. Шведская интерпретация

– Ну, ты хорош! Ни дать, ни взять —
Бродяга из бродяг!
Так из каких же, милый зять,
Ты вылез передряг?
Да по тебе, знать, ураган,
Нещадно пробежал!
Иль ты девичий нежный стан
Не так, не там прижал?

Багрово-свежий тронув шрам,
Уткнулся перст в висок:
– Послал бы я тебя к чертям,
Хоть званьем ты высок!
Не ты ль усрал меня на днях —
Как с плеч смахнул рукой —
В дурацких шнеках и ладьях
На праведный разбой?

– Ты, Биргер, зять мой, не ори!
Забыл, что я – король?
И пораженьем не кори,
Быть вежливым изволь!
Не сам ли с пеною у рта
Бросал тирады клятв?
Кричал: мощь русская – туфта!
Наш будет НовогрАд!
Мол, я за месяц размечу
Всех русских по Неве,
А если очень захочу —
В неделю или в две!
Ну, разметал? Доволен? Рад?
Неву не запрудил?
А как Великий НовогрАд?
Небось, дотла спалил!?

– Ты, мой король, не справедлив,
Взгляд Биргера – в полу, —
Я бился, я лицом стал крив
В сражения пылу!
Ты б видел, сколько порубал

Я вражеских голов!
Мой верный меч не уставал,
Хоть он совсем не нов!

– Ну вот, тебя и понесло!
Нет, расскажи мне, как
Всё начиналось, как прошло,
В чём дал слабину враг!

– Приплыли. Стали русских ждать,
Раскинули шатры,
Над планом битвы размышлять —
Мы ж в тактике хитры!
Послал с гонцом до князя весть —
Сразимся, мол, скорей,
Конечно, если смелость есть, —
Ведь я в земле твоей!
День в ожиданьях плавно стих,
И ночь прошла, светла,
И сеть лазутчиков моих
Мне новость принесла:
Пелгуй – у русских есть дурак —
Зрил чудо на воде,
Оно для русских добрый знак,
Но будто нам – к беде.
Мол, в море, в лёгонькой ладье
(А в нОчи – солнца свет!)
Богатырей фигуры две,
И всяк из них одет
В червлёны ризы. Нимб, как меч
Над головами их,
И даже будто бы их речь
Услышал этот псих:
«Поможем родичу в беде,
Нам Александр – брат!»
И рассмотрел Пелгуй: в ладье
Борис и Глеб сидят.
Они – Борис и Глеб – давно
Святые, и с икон
Глядят печально и умнО,
Слова их – всем закон!..
Вот новый день настал, и мы
В него вошли, молясь.
Но тут, как чёртик из сумы,
На нас напрыгнул князь!
Мы ж не успели на места
Расставить нашу рать,
А русских тактика проста:
Долбать, долбать, долбать!

А сколько крови и мозгов
Текло, дымясь, в песок!
Нет, мы, бесспорно, и врагов
Порезали чуток!
И всё ж – спасибо! – ночь пришла,
Туманна и темна,
Остатки наших войск спасла,
Да и меня она!
Но всё равно, мы, словно львы,
Рубились, государь!
Пусть не сносить мне головы —
Бери мой меч, ударь!

– Ну, ладно, ладно, Биргер, встань,
Печали боль пройдёт,
На то война, на то и брань —
Тут кто кого прижмёт!
Иди к жене своей, она
Утешит там тебя,
А князю русскому – хана,
Иль буду я не я!

Часть вторая. Немецкая интерпретация

– Привет тебе, о, мой магистр! —
Вошедший начал речь. —
Да будет ум твой остр и быстр
И грозен мощный меч!

– Дружище Генрих! Вот сюрприз!
Ты из каких краёв?
А нам сказали, ты повис
В петле у русаков.

– Хотели, правда, затянуть
Меня в пеньковый трос,
Но, зная иной готовил путь
Мне наш Господь Христос!
Удачно всё сложилось так:
Как раз об ту пору,
Когда глядел я – весь столбняк! —
В пеньковую дыру,
Решили пленных обменять,
Без счёта, всех на всех,
Вот потому я здесь опять.
Готов смыть кровью грех!

Магистр Вельвен помолчал,
Из кубка пригубил:
– Ну, Генрих, что ты замолчал?
Так в чём ты нагрешил?

– Да как же в чём, мой господин?
Попался в плен, урод!
Да лучше б сгинул между льдин!
Эх, жаль, был крепок лёд!

– Ты расскажи-ка всё снова,
Что толку причитать,
Всё это глупые слова,
Мне ж факты нужно знать!

– Ну что сказать? Перехитрил
Нас Невский Александр —
Всё отступал, всё отходил,
Сплетая сеть засад!
А мы-то рады, простаки,
Мол, вышли на простор,
В лесах же биться не с руки —

Манёвр стеснён, не скор.
А тут такие ширь и гладь,
И лёд, что твой гранит!
Вот здесь, решили, наша рать
Себя и проявит.
И русских видим: вот полки
Стоят их, к ряду ряд.
Кто ж знал, что спрятали, волки,
Они в резерв отряд!
И, как обычно, мы, свиньёй,
Ощерясь лесом пик,
Пошли легко и смело в бой,
Издав бодрящий рык.
Врубились в русских без труда,
Как острый меч в живот,
И кровь, как алая вода,
На лёд Чудского льёт!
В ушах стоит железа лязг
И, смерть молящих, стон,
Ещё удар – и в этот раз
Князь будет побеждён!
Но Невский, хоть и юн в летах,
Умом, отвагой зрел,
Полки, что спрятались в кустах,
Вести он в бой успел.
И те, врубаясь во фланги зло,
Смешали нашу рать,
Всю стройность клина разнесло,
И начали нас гнать...
Погибло рыцарей в тот раз
Четыреста-пятьсот...
Да, слава Богу, день угас,
Не то б был большим счёт!
А нас, немногих, взяли в плен —
Полсотни всех, кажись,
И в Пскове, у кремлёвских стен,
Едва не взяли жизнь.
Пред нашей казнью Невский князь
К народу возглашал,
Победой счастлив, прослезясь,
Людишек заклинал:
«О, псковитяне, вас молю,
Меня не забывать,
Победу вашу и мою
Потомкам передать!
Пусть новгородцы будут вам
Во все века друзья!
А злость имейте лишь к врагам,
Вас заклинаю я!»

– Вот, господин, весь мой отчёт, —
Закончил Генрих речь. —
Теперь решай, в позор, в почёт
Тебе меня облечь!

Магистр Вельвен хмур и строг,
Рука жмёт меч, бела:
– Пусть это будет нам урок
От русского орла!
Пока ты был в плену, он, гад,
Под Ригу подкатил,
Ещё чуток и я б отряд
К датчанам снарядил,
Мол, слёзно вас прошу помочь,
Нас русские вот-вот
Начнут дубинками толочь —
Погибнет наш народ!
Да, орден наш святой мощей
Тогда бы растерял,
Посмешищем Европы всей
Он без сомненья б стал!
Ну ладно, Генрих, я клянусь —
И ты клянись со мной —
На эту варварскую Русь
Пойдём большой войной!
И будем жечь, рубить, топить
Славянок и славян,
Но в веру истинну крестить
Всех, кто к ней будет рьян.
А князя русских, – вот те крест,
Я, Генрих, не шучу! —
Я лично, сам, прибыю на крест,
И в руки дам свечу!

Часть третья. Монгольская интерпретация

Над тихим Волховом – шатёр,
У входа – костерок,
Монгол, не юн, лицом хитёр
Снимает котелок.

На запах тут же из шатра
Другой монгол ползёт —
Моложе, рожа не хитра,
Разут улыбкой рот:
– Эх, хорошо вздремнул, Беркай!
Теперь попить, пожрать,
И можно снова баю-бай!
Чего ещё желать!?
А ты всё жалуешься: вот,
Всё бросить бы к чертям
И в дальний двинуться поход,
Дав плётки лошадям!
Ну, посмотри: ты прискакал,
И в гущу сечи – скок,
Изрядно саблей помахал,
Срубил голов пяток,
Отсёк десяток рук и ног
И что-то там ещё,
Устал от пота, весь промок,
И что? И это всё?
А ну, в тебя свой кто-то меч
Сноровисто воткнёт
И, улыбаясь шире плеч,
Его там провернёт?

– Ленив, Касачик, ты и глуп,
Горазд лишь чушь молоть,
Ты видишь только хладный труп,
Я ж – трепетную плоть!
И боя терпкий дух бодрит
Меня и сил даёт,
И даже сердце в битву мчит,
И быстр его полёт!
Ты сам смотри: вот, русских князь,
Что Невским все зовут —
Его полки всех давят в грязь,
Врагов нещадно бьют!

– Да что, Беркай, ты мелешь зря,
Ведь Русь **нам** платит дань!

Мы, не они, града зоря,
В свою всё взяли длань!
Ведь мы баскаки, али нет?!
Добро нам прут и прут,
Вот завтра утрёчком, чуть свет,
Опять возы придут!

– Ты лучше спи, конину жуй —
Баскак, едрёна вошь! —
А толстый нос туда не суй,
Где толком не сечёшь!
Да ты ещё соплёй кидал
В седые облака,
Когда князь Невский шведов гнал
И немцам мял бока!
Великий хан Бат**Ы**й его
За ум и честь ценил
И, не стесняясь, у него
Порой совет просил.
Теперь Бат**ы**я нет, но вот
Не мы с тобой идём
За данью в Новоград, а тот
Ее везёт в наш дом.
Князь Невский сделал всё, что мог —
И жизнь бы он отдал! —
Чтобы монгольский наш сапог
Земли их не топтал!
Он даже сына своего
Сослал (бояр казнил!)
За то, что тот приказ его
О дани отменил.
И мы, баскак Касачик, тут,
Увы, не господа,
Сидим, ждём: скоро ль принесут
Дань русичи сюда.

– Да что же храбрый Улавч**И**?
Что терпит он позор? —
Касачик даже подскочил,
И гнев вогнал во взор.

– Ну вот, запрыгал, как козёл,
Сиди, не гоношись,
А ведь о жизни тихой вёл
Ты разговор, кажись?
Что, зуд в ладонях, резь в глазах
И жжение в груди?
Эх, мчатся б на лихих конях
У войска вперед?..

Ешь лучше мясо, пей кумыс
Да девок пленных мни,
И спрячь, как птичку в клетку, мысль
О войнах и бранИ.
Нас против русских – тьмы и тьмы,
И каждый смел и лих,
Почти что всё-всё можем мы,
Но... Невский есть у них!
Пока он жив, мы будем тут
У костерка дремать
И ждать, когда же принесут
Дань русичи опять!..

Часть четвёртая. Русская правда

Во храмах Боголюбова
Колокола плач льют.
– Что, медные, не любо вам?
Чем нынешний день лют?
Что ж горько вы рыдаете
И душу из меня
Жестоко вынимаете,
Её искровеня?!
И сердце моё – колокол —
За вами бьёт набат.
Аль тащит лОдьи волоком
Татарин-супостат?
Скликаете ли войско вы,
Чтоб отразить набег,
Погибнув, не склонив главы,
Прославившись навек?
Аль с запада да с севера
Рогатые спешат,
Идут, как в бурю дерево,
Доспехами шуршат?
Так что ж случилось, медные?
Скажите, не томя,
Коль прут враги несметные,
В бой с ними ринусь я!

Душа пуста до доньшка,
И слышу меди звон:
– Зашло отчизны солнышко,
Угас навеки он!
Не стало Александра! Да,
Теперь погибель нам!
Не встанет витязь наш с одра,
Не даст отпор врагам!
Не усыпит их хитростью,
Войну отсрочить чтоб,
Не удивит их скрытностью,
Полки разя не в лоб!
Не скупит по отдельности
За щедрую казну.
И не удержит в цельности
Любимую страну!

Метель, рыдая, снегом бьёт,
И жалит зло мороз,
И видно стало, как ползёт

Неходко скорбный воз.

Людские толпы вокруг саней
И следом – длинный хвост,
Хоругвь червлёная, под ней —
Князь Невский, тих и прост.

Рыдают в голос мужики
Нисколько не таясь,
И их слова скупы, горьки:
– Мы погибаем, князь!

И снег от слёз людских кипит,
И в стуже – лёгкий пар.
А вот Кирилл – митрополит —
Идёт, согбен и стар.

И перед возом в снег колюч
Он на колени пал,
И, прежде статен и могуч,
Безвольным, дряхлым стал.

Облобызал того, кто жил,
Свой жизни путь презрев,
России честью дорожил,
Блюдя её, как лев.

Кто не жалел детей своих,
Одно им лишь веля,
Чтоб не знавала ног чужих
Родимая земля!

Кто, презирая злата блеск,
Жил скромно, как аскет,
Кто, как Христос, пошёл на крест,
Сверша его завет!

Кто стал при жизни всем любим,
Хотя бывал и строг,
Кто станет истинно святым,
Спустя короткий срок!

И встал с колен митрополит,
И замолчал народ,
И слышно только, как гудит
Пурга. Или поёт?

И грянул колокол, как гром,
БасОво, налитО,

Но явно было в звуке том
Не скорбь, а торжество!

И тут же резво, высоко
И дружно перезвон
Других, мал**Ы**х, колоколов
Был в небо устремлён.

И слышно в звонких голосах,
Что мчат сквозь мрак густой:
– Отныне будет в небесах
Ещё один святой!!!

Две половинки жизни Дмитрия Донского

1

Безмолвье смерти ужасает,
Дух крови тяжек и пахуч,
И солнца диск едва мерцает,
Тщась путь пробить меж дымных туч.

Но что бы увидело светило,
Раздвинь на миг завесы мглы?
Дымит столица, как кадило,
И мёртвы все её сыны!

Лишь стоны, хрипы вскользь доносит
Пропахший гарью ветерок,
То смерть себе, как благо, просит
Тот, кто живым остаться смог.

Москва, да ты ли это, право?
Где ж роскошь вычурных церквей?
Где все твои богатства, слава?
Где толпы шумные людей?

Где ж та дружина удалая,
Что, день и ночь гордись собой,
Оружьем мощно потрясая,
Рвалась с любым ворогом в бой?

Где князь великий, Дмитрий-воин,
Герой Донской, Мамаёв бич?
Где Киприан, слуга Господен,
Любитель паству ловко стричь?

Увы! Увы! Одни татары
В сожжённых улицах Москвы,
Шумливы, веселы их свары
В делёжке русичей казны.

Ворота настезь – как распяты,
Сквозь них надменно, без борьбы
Уводят сытые солдаты
Свободных русичей в рабы...

2

Однажды хитрым, злым Урусом
Был из Орды изгнан, как мышь,
И стал скитальцем по улусам
Татарин некий, Тохтамыш.

Он был потомком Чингисхана,
И от изгнания в ярость впал,
Но всё ж не сник и Тамерлана
Он сострадание снискал.

А Тамерлан, хромец безродный,
Велик уж был, как Темучин,
И к власти, славе был голодный,
Коль помогал – не без причин.

Хоть я с фантазией и дружен,
Лезть в те причины не берусь,
Но Тохтамыш Тимуру нужен
Был явно, чтоб ослабить Русь.

И Тохтамыш разбил Мамаю
На Калки низких берегах
(Где прежде воины Судая
Громили русских в пух и прах),

И воцарил в Орде по праву,
В той, что его посмела гнать!
Но, чтобы властвовать во славу,
Россию нужно воевать!

Как лава нервного вулкана,
Сжигая, губит жизни цвет,
Так и потомок Чингисхана
Труды людей сводил на нет.

И, после лавы войск татарских,
Жизнь, умирая и скорбя,
Имела две контрастных краски:
Крови невинной и угля!..

Вот и Москва, – краса, как вызов, —
Вздымает к небу пики крыш,
За нею нынче, как за призом,
Явился алчный Тохтамыш.

Приз взят и силой, и обманом,
Москва разграблена дотла,
Тень Тохтамышева орланом
Парит над Русью в два крыла...

3

Настало время разобраться
В одном вопросе, он меня,
Коли по совести признаться,
Волнует больше день от дня:

А где был князь великий в чАсы,
Когда народ его в бою
Лил кровь и дрался без прикрасы,
На смерть меняя жизнь свою?

Лишь Тохтамыш (не без измены)
Прошёл по бродам чрез Оку,
Покинул князь столицы стены
И удалился в Кострому.

С собою взяв жену и деток,
Он ехал войско собирать:
Тех, кто в стрельбе из лука меток,
Тех, кто мечом горазд махать.

А там, в Москве, начальства много —
Бояре и митрополит! —
Они поднимут на врага
Народ, и тот всех победит!

Боярство резко разделилось,
И часть (но большая) его,
Собрав свои вещички, смылась,
Да дружно так, да боево!

Им вслед смеялись и свистели —
Плевать, у нас есть Киприан!
Но как-то вспомнить не сумели,
Что родом тот из дальних стран.

И рассудил умно и здраво
Митрополит, господний раб:
— Зачем мне здесь чужая слава?
Я стар, устал и чревом слаб.

И он шустрей, чем те бояры,
Что в большинстве (большевики),
Умчал, как бес от Божьей кары,
От Тохтамышевой руки

Пусть горожане были смЕлы,
Мощна пусть крепости стена,
Но без начальников умелых
Судьба Москвы предрешена!

4

Всё, что сгореть могло, сгорело,
Все, кто погибнуть мог, погиб,
Москва умолкла, почернела,
Лишь слышен редкий бабий всхлип.

Теперь могильщики в почёте —
У них работы выше лбов,
Но павших в жизненном полёте
Хоронят просто, без гробов.

Да где взять сил гробы те высечь,
Когда – погублены – лежат
Не тыщи, а десятки тысяч
И к отомщению вопият!..

А вот и князь на пепелище
Своей столицы прискакал,
Он деловит, виновных ищет,
Благого гнева крут накал:

– Да как же так, отцы и деды,
Не побеждавшие татар,
Бедой не так были задеты!
За что же нам судьбы удар?!

Шумок пошёл в рядах боярских
И князю выход указал:
– Все вины валим на рязанских,
Олег, их князь, всю Русь продал!

Олег был, правда, зол в те годы
На князя Дмитрия, Москву,
Он показал татарам броды
Через свою Оку-реку.

Ну, чем не враг Москвы сожженья?!
И князь Донской торопит рать,
А та уже пришла в движенье —
Спешит в Рязань врагов карать.

Олег хитёр, свалил на время,
Решив гнев князя переждать,
И на рязанцев кары бремя
Взвалила княжеская рать.

Она легко, со знанием дела,
Крошила в прах рязанский град,
И, как Москва, Рязань горела
(Иной был правда супостат)!..

А князь, топча со скрипом угли,
Лицом чернел, душой твердел,
Стояв в Москве, но был он тут ли?
Нет, мыслью он назад летел,

Туда, на поле Куликово,
Где он был дерзок и хитёр
И властью царственной не скован,
И от врага не прятал взор!

5

Дымится поле Куликово
Клубами пыли, как горит,
На миг утихнет бой и снова
С жестокой удалью гудит.

Как здесь понять, кто свой, кто враг,
Тесны секущихся ряды,
И ты с врагом порой бок о бок,
И напирают зло зады.

Но князь Донской в задах не жмётся,
Он первым в сечу правит шаг,
Поверх голов призывно вьётся
Его знакомый чёрный стяг!

Эх, жизнь, как мало здесь ты стоишь!
Ах, честь, как нынче ты в цене —
Ты да удальство силы троишь,
Не дав поклоны бить спине.

Спина пряма, лицо открыто —
Таким идти на правый бой!
Наестся пусть земля до сьита
Твоею кровью и тобой!

Но коли сделал всё, как надо,
Не струсил, – лавры пожинай,
И вот татарская громада
В прорехах вся, бежит Мамай!..

В глазах Донского слёз росинки,
Их гордость выжали и стыд.
Да, князя жизнь – две половинки,
В какой он будет позабыт?..

Неторопливый исход еврейского народа из египетской земли

*Посвящается всем Моисеям
(а так же – Ивану Сусанину).*

Часть первая

1. Как обычно, Моисей
Пас с утра овец,
Но работе вряд ли сей
Рад был молодец.
2. Да, конечно, он еврей, —
Все они рабы, —
Только этот Моисей
Был иной судьбы.
3. Стала мачехой его
(Тут уж шутки прочь!)
Та, превыше нет кого —
Фараона дочь!
4. Он и жил бы, не тужил,
Сладко кушал, спал,
Но надсмотрщика убил,
И опальным стал.
5. Руки в ноги и бежать, —
Жив покуда сам, —
Кров сумел себе сыскать
В крае Мадиям.
6. Здесь нашёл жену, и вот
Моисей-храбрец
Добросовестно пасёт
Тестевых овец.
7. Жар в пустыне, как в аду,
Мозг вот-вот вскипит,
Моисей в полубреду.
Смотрит – куст горит!
8. А внутри куста, в огне,
Цел и невредим,

Пастуха манит к себе
Ангел-херувим:

9. – Эй, пастух, давай сюда,
И сандали сбрось,
Да не бойся ты, балда,
Не прибую, небось!
10. Знаешь ты, кто я такой? —
Моисей молчит,
Ноги жжёт – ведь он босой,
Вот-вот закричит.
11. – Иегова я, твой Бог!
До меня дошло:
Быт евреев очень плох,
Все творят им зло!
12. В небесах я слышал стон:
Мол, за годом год,
Гнусный, злобный фараон
Давит ваш народ!
13. Моисей, ты избран мной
Для великих дел!
Ну, скажи, народ родной
Ты б спасти хотел?
14. – Я не стоик, не борец,
Мне ль в пророки лезть?
Вот, сижу, пасу овец,
Мой хозяин – тесть.
15. – Я не понял, Моисей,
Гордость где твоя?
Это что, цель жизни всей?
Честно, без вранья!?
16. Моисей заметно сник,
Ковырнул в носу...
Вдруг, в один решился миг:
– Хорошо, спасу!
17. Только кто ж поверит мне,
Поклянусь пусть хоть,
Будто в тернии, в огне
Мне вещал Господь?
18. – А знамения мои?

Их тебе дам три.
Ну-ка, посох свой швырни,
А теперь смотри.

19. Посох сделался змеёй
И пополз, шипя,
Моисей вскричал лишь: – Ой!
И помчал, вопя.

20. – Стой! Куда? А ну, бери
Гадину за хвост
И так больше не ори —
К славе путь не прост!

21. Моисей змеюку взял,
Страху всё ж не без,
Но, ура, в руке держал
Свой пастуший жезл!

22. – Руку в пазуху запрячь,
А теперь достань. —
Моисей взглянул и в плач —
Вся в проказе длань!

23. – Вот, опять! – Господь взбешён. —
Говорю ж, чудак,
Вовсе ты не прокажён,
Просто нужно так.

24. Суй опять ладонь туда,
Где она была,
Всё? Прошла твоя беда?!
И рука цела?!

25. Если это мало всё ж,
То рукой своей
Воду в речке зачерпнёшь
И на землю лей.

26. Кровью станет вдруг вода,
И еврейский род
Наконец поймёт тогда:
Моисей не врёт!

27. После ты им скажешь так:
Дорогой народ,
В земли двинем, там бурлят
Молоко и мёд!

28. Собери старейшин **И** —
К фараону в дом,
Просят пусть его они
Дружно об одном:
29. Отпусти, мол, наш народ
На три дня пути,
Должен Господу наш род
Жертву принести,
30. Мы пойдём все вместе **И**
Со своим скотом.
Фараону ж, бестии,
Это – как серпом!
31. Заорёт, ведь он же – хам,
И пошлёт всех на...
Только будет тем словам
Дорога цена!
32. Десять бед тогда взвалю
Я на египтян,
И гордыню съест свою
Фараон-смутьян!
33. – Пред тобой я, Боже, чист, —
Моисей всё в спор, —
Но нисколько не речист,
Мой язык не скор,
34. Я ж запутаюсь вконец,
Объясняя всем,
Что я – божеский гонец,
Эх, создам проблем!
35. – Как меня ты утомил,
Моисей-простак!..
Жаль, что я тебе не влил
Силушки в уста.
36. Кстати, брат твой, Аарон,
Жив, поди, ещё?
Ну, пускай базарит он.
И на этом – всё!
37. Да, ещё, для ваших баб:
Пусть они возьмут
У соседей, в долг ли, так
Всё, что им дадут:

38. Золотишка, серебра,
Разного шмутья.
Оберите их дотла,
Так велю вам я!

Часть вторая

1. Злобный, вредный фараон,
Гнусный во красе,
Наплевал с усмешкой он
На знаменья все!
2. Говорит: – Я что, урод?
Иль рассудка вне?
Отпустить весь ваш народ!
Вы в своём уме?
3. Да ещё со всем скотом
И в такую даль!
Где же вас искать потом,
Мой народ ИзрАиль?!
4. Не указ мне ваш господь, —
Он вошёл в экстаз, —
Посрезали свою плоть,
Оборзели враз!
5. И, немного сторяча,
Поднимает план
Производства кирпича
Для израильтян!
6. Возроптал народ и – выть!
Что же Моисей?
Фараона удивить
Бросился скорей:
7. В воду посох опустил,
Крякнул, и тогда
Засмердил могучий Нил —
Кровь в нём, не вода!
8. Злобный, вредный фараон
Нет! – твердит, и – нет!
Я ничуть не удивлён! —
Вот и весь ответ!
9. Моисей же, верный раб
Господа-Творца,
Шлёт в Египет орды жаб,
Коим нет конца!

10. И кишат они в реках,
В поле и в садах,
В фараоновых домах,
В печках и квашнях.
11. Фараон кричит: – Всё, всё,
Отпускаю вас,
Уберите лишь жабьё
Поскорей от нас!
12. Снят с Египта жаб полон,
Радостен народ!..
Злобный, вредный фараон
Вновь в отказ идёт!
13. Ладно, видно, мало двух
Фараону бед! —
От мошкИ и пёсьих мух
Потемнеет свет!
14. Кто кого из них гнусней,
Разберись, пойми!
– Отпущу вас, Моисей,
Только мух уйми!
15. Моисей не против, он
Знает, что творит!..
Только вредный фараон
Снова «нет!» твердит.
16. Царь Египта – обормот,
Вряд ли он крутой:
От упрямства дохнет скот
Язвой моровой,
17. От нарывов стонет люд,
Бьёт посевы град.
Фараон, конечно, лют,
Но уже не рад.
18. Но упрямства стержень в нём
Крепок, как гранит —
Царь в ночную тьму и днём
Только «нет!» твердит!
19. Саранча всё сожрала,
Что росло в стране,
А потом страна сама
Утонула в тьме!

20. Девять казней фараон
Вынес, дух скрепя,
После – братьев выгнал вон,
Гибель им суля:
21. – Если я ещё хоть раз
Вас увижу тут,
Зуб даю, что в тот же час
Бошки вам снесут!
22. Моисей не лыком шит,
Но молчит пока,
Он откланяться спешит —
Мечь его близка!
23. Рассказал ему Господь,
Что сегодня в ночь
Умертвит в Египте плоть
Первенцев напрОчь!
24. Будь то первенец царя,
Первенцы рабов,
Всех, короче говоря,
(Также и скотов).
25. Каждый истинный еврей
Должен крови взять
И каркас своих дверей
Ею помечать.
26. Говорит Бог: – Я пойду,
Кровь увижу и
Этот домик обойду,
Чтоб вы выжили.
27. Кровь – с баранов накачать,
А, коль мало их,
Вон, у женщин можно взять,
Это есть у них!
28. Час трагический пробил
Всем, кто не еврей:
Бог к работе приступил
Киллерской своей.
29. Жизнь у первенцев отнял, —
В горе царь и раб, —
В великий вопль стоял

Мужиков и баб!

30. И кричит Египта царь:

– Всех евреев – гнать!

Пусть ползут в пустыни марь
Богу услужать!

31. Забирайте баб и скот,

Но, чтоб через час,

Наш египетский народ

Здесь не видел вас!

32. У израильских сынов

Наготове всё:

Запрягли в возы ослов,

И – привет, адъё!

33. И народу миллион

И скота гурты

Из Египта валят вон

Сквозь леса, кусты.

34. Все довольны, весел**Ы**,

Ну ещё бы, ведь

Их возы добром полны:

Золотишко, медь,

35. Шмутки, слитки серебра,

Дивные холсты —

Египтян душа добра,

Нравы же – просты!

Часть третья

1. ИзраИлева орда
Дружно, делово
Устремляется туда,
Где милей всего.
2. Ведь почти полтыщи лет
В рабстве провели,
Испытали сотни бед!
Всё теперь вдали.
3. Ну, а в той земле, куда
Моисей ведёт,
В речках вовсе не вода —
Молоко и мёд!
4. Впереди Бог днём идёт
В столпе облачном,
По ночам народ ведёт
В столпе огненном...
5. Злобный, вредный фараон,
Сидя во дворце,
Подсчитал страны урон,
Побледнел в лице:
6. – Ах, евреи, ах, вражьё! —
Громы мечет он.
И приказ: войска – в ружьё!
И вперёд, вдогон!..
7. Моисей струхнул: – Мой Бог,
Гонятся враги!
Может, я пророк неплох,
Но стратег – ни-ни!
8. – Моисей, ты не грусти,
Посох свой бери,
В Чермно море опусти —
Воды отвори.
9. Тот свой посох в море – тык,
Покрутил, бурча,
И вода в единый миг
Разошлась, журча.

10. Получился коридор,
Нет, не то, – проспект,
И народ в него попёр,
Оставляя брег.
11. По песку морского дна
Труден ли поход?
Ты идёшь и смотришь на
Стены твёрдых вод.
12. Там рыбёшки бьют хвостом,
Краб клешнёй грозит,
Давит спрут тугим узлом
Жертву, паразит.
13. Только некогда смотреть
На красоты те,
Переправиться б успеть,
Враг ведь на хвосте!
14. Египтян фиг удивишь
Коридором вод,
Им бы помахать лишь,
Порубать народ!
15. С треском сотни колесниц
По проспекту мчат,
А глаза лихих возниц
Страстию горят.
16. Луки вот-вот плюнут смерть,
Звякнув тетивой,
И она успеет спеть
Реквием простой.
17. Но не тут-то было, хрен,
Египтяне, вам!
Вдруг исчезла твёрдость стен,
Треснула по швам!
18. Словно сотни Ниагар
Пали на врагов!
Вряд ли кто такой удар
Вынести готов!
19. Моисей доволен, рад
И безумно горд
И огромный свой отряд
Вновь ведёт вперёд.

20. Но вначале он с сестрой
Богу песнь пропел,
Пел фальшиво, с хрипотой,
Ну, уж как умел!

Часть четвёртая

1. По пустыне день, другой,
Третий колесят.
Жажда, влаги никакой,
Дети голоса.
2. К Моисею глас людской:
Срочно воду дай,
Коли ты пророк святой,
Нам комфорт создай!
3. Стали бабы нудно выть,
Их резон другой —
Ни подмыться, ни замыть,
В общем, плач да вой!
4. – Потерпите в меру вы,
Молвит Моисей,
Вот прибудем в Мерру мы,
Будет всё о'кей!
5. И, в конце пустыни, – да:
Море ли, река,
Но на вкус водичка та
Солона, горька.
6. Моисей попал впросак,
К Богу вопиёт:
– Что же делать, быть мне как?
Бог совет даёт:
7. – Моисеюшка, не бойсь,
Поспокойней будь,
Дервяшку в воду брось
И печаль забудь!
8. Рос там дуб или сосна,
Или три куста,
Суть не в том, но как вкусна,
Холодна вода!
9. Жажда в прошлом, все свежи,
Женщины чисты.
Нет, опять народ брюзжит:
Требует еды!

10. Мол, сидели б мы сейчас
В рабстве египтян,
И тогда любой из нас
Был бы сыт и пьян!
11. Моисей всё виноват —
Нас в пустыню ввёл,
Чтобы всех убил тут глад,
Смерть чтоб всяк нашёл!
12. Вновь тот к Богу на совет:
– Кушать ведь пора,
Завтрак – мимо и обед,
Нынче и вчера!
13. – Моисей, ты требуй, но
Скромности не без!
Ладно, завтра вам зерно
Брошу я с небес.
14. – Кто же смеет нам его,
Испечёт хлебов?
Нет, народ наш для того
Явно не готов!
15. – Ты поменьше тарахни,
Больше слушай суть!
– Виноват, Господь, прости,
Поспешил чуть-чуть!
16. – Это не совсем зерно,
Сразу всяк поймёт,
А имеет вкус оно,
Будто хлеб и мёд.
17. Ну, а нынче, чтобы вы
Злых не слали слов,
Получайте на столы
Тьмы перепелов.
18. А потом, на много лет,
Только манна вам:
В ужин, в завтрак и в обед!
Всё, ступай к людЯм.
19. Да, ещё забыл сказать
Я про то зерно:
Манну эту собирать
Впрок запрещено!..

20. Смачно мясо ест народ,
Только треск стоит,
Весь еврейский славный род
Господа хвалит!..
21. Вся трава с утра в крупе,
Будто иней пал,
И горстями всяк к себе
Манну собирал.
22. Только слышно: хрум да хрум,
Шутка ль, столько ртов —
Миллионам, верно, к двум
(Коль считать скотов)!
23. День прошёл – опять беда,
Та же, что была:
Снова кончилась вода,
И орда взвыла.
24. Снова крайний Моисей,
К Богу правит путь:
– Ведь прибьют меня, ей-ей,
Сделай что-нибудь!
25. – Что ты бегаешь ко мне
С каждой ерундой,
Должен сам уже вполне
Думать головой!
26. Что в руке ты держишь, а?
Жезл мой или прут?
Видишь, вон стоит скала,
Ткни, и кончен труд!
27. Ты давай уж, Моисей,
Чаще думай сам.
Вспомни, жизни лет твоей —
Скоро к ста годам!..
28. Из скалы фонтан забил,
Льёт вода, журчит.
Жажду табор утолил
И «ура!» кричит.
29. Только бедам счёт забыт,
С неба, снегом прям,
На евреев рать спешит

Амаликитян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.